

Ван Эргоу, прижавшись к углу, наблюдал за сёстрами по учению и внезапно осознал, что будущие дни будут непростыми. Подумав, он произнёс:

— Эй, хватит драться, хватит! Сестра Нань, сестра Нань, маленькая Чи всю прошлую ночь не спала, копая ямы в развалинах, чтобы помочь тебе выкопать сокровища, заваленные под обломками, чтобы ты смогла снова подняться...

Говоря это, он заметил, как Нань Лицзю, которая левой рукой держала Лун Чи за ухо, а правой собиралась ударить, внезапно остановилась и посмотрела на него.

Ван Эргоу, улыбаясь, продолжил:

— Мы выкопали много, даже нефритовую резьбу, нефритовую фигурку пожирателя духов, она очень ценная.

Лицо Нань Лицзю исказилось от гнева. Она оттолкнула Лун Чи, подняла с пола урну с прахом и, указывая на Лун Чи, закричала:

— То, что ты выкопала из моего массива, ты вернёшь на место, иначе я клянусь, что разотру кости твоего учителя в порошок!

Лун Чи крикнула в ответ:

— Это твой отец.

Нань Лицзю ответила:

— У меня нет отца!

Лун Чи, не сдаваясь, парировала:

— Если у тебя нет отца, зачем ты меня впустила?

Нань Лицзю, стиснув зубы, выкрикнула:

— Я! Тебя! Не! Впускала!

Лун Чи громко фыркнула:

— Дверь была открыта, а ты говоришь, что не впускала.

Нань Лицзю сжала подлокотники кресла, сдерживая желание снова наброситься на Лун Чи, и, глядя на неё с яростью, спросила:

— Ты пойдёшь?

Лун Чи, не отступая, ответила:

— Кто знает, что из этого твой массив? К тому же я всегда закапываю только трупы, а не сокровища. Учитель сказал, что нечестно нажитое богатство не приносит счастья.

Лицо Нань Лицзю снова исказилось, и сквозь зубы она выдавила:

— Твой учитель учил тебя наживаться нечестно?

Лун Чи, видя, что Нань Лицзю неправильно поняла, легкомысленно фыркнула:

— Даже если ты красивая, когда злишься, твоё лицо искажается, и ты выглядишь уродливо.

Нань Лицзю, вне себя от ярости, снова бросилась на Лун Чи, нанося удары кулаками. Она била по лицу, но у этой девчонки была такая толстая кожа, что на её лице даже не осталось следов. Нань Лицзю била по уязвимым местам, но Лун Чи не сопротивлялась и не пыталась уклониться. После десятка ударов Нань Лицзю остановилась, недоумевая: она что, оглушила её?

Внезапно Лун Чи подняла голову и, улыбнувшись, ударила Нань Лицзю браслетом из старого металла по лбу. Нань Лицзю почувствовала, как её голова загудела, и потеряла сознание.

Белая старуха, наблюдая за этим, резко изменилась в лице и крикнула:

— Госпожа!

Она бросилась к Нань Лицзю, лежащей без сознания в кресле, и увидела, что на её лбу образовалась большая шишка. К счастью, дыхание было ровным, и ничего серьёзного не случилось.

Виновница происшествия, улыбаясь, поднялась и, гордо размахивая браслетом на руке, крикнула:

— Ха-ха, попробуй со мной тягаться!

Браслет, несмотря на свою старую и потрескавшуюся внешность, был сразу признан белой старухой. Её лицо стало мрачным, и она крикнула:

— Ах ты, как ты смеешь обманывать меня!

Она протянула руку, чтобы схватить Лун Чи.

Лун Чи ловко уклонилась и крикнула:

— Когда я тебя обманывала?

Белая старуха остановила руку, с подозрением глядя на Лун Чи, затем её лицо смягчилось, и она сказала:

— Я спрошу тебя, ты с Большим Бельчонком одной шайки?

Лун Чи ответила:

— С ним? Ни за что! Он с зелёной бабушкой-призраком.

Говоря это, она подумала о вкусе в одежде этих старух, и её лицо выразило крайнюю степень недоумения. Красное, зелёное, белое — в шестнадцать лет она бы не рискнула так одеваться!

Белая старуха сказала:

— Я задам тебе несколько вопросов, ты честно отвечай, и если ответишь хорошо, я позволю тебе остаться здесь. А то, что ты оглушила госпожу, я тебе прощу.

Лун Чи понимала, что если она хочет остаться здесь, ей придётся ответить на вопросы, поэтому она спокойно села на пол, скрестив ноги, и сказала:

— Спрашивай.

Она огляделась вокруг, заметив, что золотой свет, появившийся во время драки, исчез. Её взгляд пробежал по сестре, и она почувствовала, что в ней что-то странное, возможно, у неё есть какое-то редкое сокровище.

Белая старуха, заметив подозрительный взгляд Лун Чи, решительно встала между ней и своей госпожой и спросила:

— Когда твой учитель взял тебя в ученики?

— Шестнадцать лет назад. Подобрал на Трупном берегу.

Белая старуха переспросила:

— Трупный берег?

Лун Чи кратко объяснила, как её учитель нашёл её. Закончив, она увидела, как белая старуха улыбнулась с одобрением, но в её взгляде была странная искра, словно она что-то замышляла.

Белая старуха смягчилась и сказала:

— Оставайся здесь. Я покажу тебе массив госпожи, и ты закопаешь вещи обратно.

Лун Чи с подозрением посмотрела на белую старуху и спросила:

— Ты не собираешься мне навредить?

Белая старуха презрительно посмотрела на неё:

— Ты пришла сюда с пустыми руками. Что у тебя есть, что я могла бы отнять?

Сказав это, она велела Лун Чи ждать здесь, а сама унесла потерявшую сознание Нань Лицзю, чтобы уложить её.

Лун Чи повернулась к Ван Эргоу и сказала:

— Эргоу, как ты думаешь... эта белая старуха странная?

Ван Эргоу ответил:

— Я думаю, что странная твоя история. Эта старуха перед тем как задать тебе вопросы, долго смотрела на твой браслет.

Браслет Лун Чи был действительно удивительным: кого ударишь, тот и падает без сознания.

Лун Чи радостно подпрыгнула:

— Ты думаешь, она узнала мой браслет и знает, кто мои родители, и хочет вернуть меня к ним? Ну, если она узнала мой браслет, почему мой учитель не знал о нём? Хотя, может быть, он догадывался, как Даос Юйсюань.

Ван Эргоу сказал:

— Возможно, кто знает. Маленькая Чи, я заметил, что сестра Нань с непростым характером... с ней трудно ладить.

Лун Чи махнула рукой:

— Она просто ребёнок. Смотри, я, родная ученица моего учителя, даже не знала, что у него есть дочь. Учитель все эти годы не навещал её. Сестра потеряла мать, отец бросил её, а теперь видит, как учитель так заботится обо мне, конечно, она чувствует себя обделённой. Она уже взрослая, не может сидеть и плакать, поэтому набрасывается на меня, чтобы выплеснуть свои эмоции. Она просто завидует мне. Как любимая ученица моего учителя, я не буду на неё обижаться.

Ван Эргоу подумал, что это правда. Ему даже стало немного жаль Нань Лицзю. Она, как родная дочь Даоса Саньту, должна была получить всё, что получила Лун Чи, а вместо этого всё досталось Лун Чи. Естественно, она чувствует себя обиженной.

Лун Чи внешне старалась показать, что ей всё равно, но внутри ей было немного грустно.

Всё оказалось совсем не так, как она представляла. Она думала, что сестра, потеряв отца, будет сильно страдать, и она будет утешать её, похоронит прах учителя вместе с ней и попытается спасти его из заточения. Но реальность оказалась иной: урна с прахом учителя лежала на полу, и если бы она не использовала бронзовую урну, которая не боится ударов, прах учителя уже рассыпался бы.

Эта сестра оказалась совсем не такой, как она представляла.

Она также упустила из виду одну вещь: её сестра принадлежала к Дворцу Сюаньюн, а она сама — к Вратам Драконьего Владыки. Они были из разных школ. Хотя её учитель был родным отцом сестры, она называла её сестрой, но это место было скорее домом её учителя, а не её школой.

Точнее говоря, было ли это вообще домом её учителя? Может, это был дом её учительницы.

Все эти годы она даже не знала, что у неё есть учительница и сестра. Если бы её учитель был жив, она бы спросила его: вы двое развелись?

В такой опасный момент учитель отправил её прочь, оставив два завета: возродить школу и заботиться о сестре.

Возрождение школы было долгим и трудным путём, который учитель не смог пройти за столько лет. Забота о сестре казалась куда проще.

<http://bllate.org/book/15297/1351361>